

УДК 130.2:165:177.61:572

«ПОЗНАНИЕ СОВЕРШАЕТСЯ ЛЮБОВЬЮ»¹
(К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЗНАНИЯ П. ФЛОРЕНСКОГО)

Мария Родян

*Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
философский факультет, кафедра культурологии
ул. Дворянская, 2, 65026, г. Одесса, Украина*

В статье рассматривается вопрос о сущности познания в контексте жизнетворчества П.А. Флоренского. Цель статьи – прояснение фундаментальных оснований познавательного процесса П.А. Флоренского. Особое внимание уделяется личностному опыту переживаний философа и его установке на собеседника.

Ключевые слова: познание, любовь, метод, диалектика, удивление.

Вопросы о возможностях познания, особенностях познавательного процесса и методах исследования, применяемых в сфере культуры, философии, художественного творчества, всегда были в числе самых обсуждаемых. Различные философские и религиозно-философские традиции способствуют тому, чтобы вопрос о сущности познания оставался первоочередным, поскольку он связан с антропологической проблематикой, а конкретнее, с прояснением особого духовного состояния и внутреннего развития познающей личности. В данной перспективе русская религиозная философия не утрачивает своей актуальности. Вопросы познания здесь рассматриваются неотъемлемо от мироощущения и мирозерцания личности, сознающей единство сущего и его символическую взаимосвязь. Начиная с Г. Сковороды, который всю свою жизнь был сосредоточен на поисках и обретении духовной целостности, последующая русская мысль остается верной этому самобытному мироощущению. Наследие одного из ярчайших представителей культуры «серебряного века» П. Флоренского может служить источником для прояснения особенностей познания, его незыблемых оснований и связи с духовным совершенствованием познающего. Ведущие современные исследователи (Н. Боневская, С. Хоружий, Л. Морина и др.) работают над выявлением внутреннего единства мысли и жизни, творчества и личности философа. При этом отмечается, что тяга к такому единству «не составляет индивидуальной особенности Флоренского, но глубоко характерна для того духовного течения, с которым он теснее всего был связан» [6, с.524]. Здесь имеется в виду русский символизм как особый тип мышления и способ бытия. Однако исследовательская работа по изучению наследия Флоренского в этом направлении далека от завершения. Единство мысли и жизни, творчества и личности Флоренского отразилось не только на содержательном уровне его произведений, но и на уровне формальном, жанрово-стилистическом.

Цель статьи – прояснение особенностей познания П. Флоренского, прояснение самих оснований познавательного процесса, фундамента, с которым впоследствии связываются те или иные частные методы исследования.

Каждое философско-богословское произведение, вышедшее из-под пера П. Флоренского, является глубоко личностным, интимным опытом переживаний, а не просто

¹ Эти слова Г. Нисского являются эпиграфом к работе П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» (1914).

строго научным текстом об объекте исследования и достигнутых результатах. Так, уже в магистерской работе «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» (1914) Флоренский приводит в качестве эпиграфа слова Г. Нисского: «ή γνώσις αγάπη γίνεται» (греч. – «познание совершается любовью») [4]. В этих словах заключен и смысл его работы, и суть избранной им основополагающей методологической установки, которой он придерживается. Стоит отметить, что другую работу Флоренского «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)» предваряет фраза И. Гёте: «Прекрасно творить самому, но если тебе посчастливилось узнать и оценить созданное другими – разве это не станет и твоим достоянием?» [5] Для истинного познания имеет весомое значение не что иное, как обращение к *другому*, приятие мысли *другого*.

Немаловажным является и тот факт, что свою магистерскую диссертацию Флоренский излагает в форме писем, их всего двенадцать. Это не традиционный эпистолярный жанр, но вместе с тем – беседа с *другим*, живое обращение к *другому*, а именно – недавно умершему другу. Выбор такой формы мышления и изложения мысли говорит, прежде всего, о ясном осознании существования потустороннего мира, о вере в посмертное бытие человека и возможную с ним взаимосвязь, о надежде на то, что слова пишущего будут услышаны. Автор преисполнен любовью к своему собеседнику. «Мой кроткий, мой ясный! Холодом, грустью и одиночеством дохла на меня наша сводчатая комната, когда я первый раз после поездки открыл дверь в нее. Теперь, – увы! – я вошел в нее уже один, без тебя» [4, с. 9]. С этим обращением к умершему другу, освободившемуся от суматохи земного бытия, связана и особая тональность всего произведения, и его спокойный ритм. Обращение к человеку, находящемуся отныне в мире невидимом, в мире горнем, является своего рода спасением для пишущего. В ходе живой духовной беседы становится яснее ощущение присутствия Божественной силы как источника очищения и примирения с тяготами земного пути: «Легче и выше моего возлетаешь ты над «пылающей стеною мироздания», мой окрыленный Друг. Но все-таки я пишу и буду писать тебе – больше ради себя, нежели ради тебя <...>. В этих небрежных и водянистых строках – моя связь с жизнью; если еще не совсем умер я, то – через беседу с тобою, одним только тобою, тихо веющий Хранитель, самая мысль о котором очищает и подымает меня» [4, с. 70].

Претерпевая тоску и отчаяние, автор находит особые для своего друга слова, и так осуществляется символическая взаимосвязь того мира и этого, земного и небесного, потустороннего и посюстороннего. Усопший уже видит мир иначе, чем человек, пребывающий по эту сторону, и, настраиваясь на *другого* с его принципиально другим мировидением, автор также становится причастным миру потустороннему. В данном случае предельно важна эта настроенность на диалог, на духовную встречу, поскольку граница, разделяющая миры, преодолевается только открытой, чистой, любящей душой. Ещё в первом письме, где речь идет о двух мирах, о смерти дорогих людей, автор как бы всматривается в себя и ощущает свою вину перед умершими: «Скольких, скольких я потерял за эти последние годы. Один за другим, один за другим, как пожелтевшие листья, отпадают дорогие люди. В них осязал я душу, в них сверкал мне порою отблеск Неба. Кроме добра я ничего не имел от них. Но моя совесть мечется: «Что ты сделал для них?» <...> Снова и снова, с неизгладимою четкостью проступают в сознании все грехи, все «мелкие» низости. Все глубже, как огненными письменами, вжигаются в душу те «мелкие» невнимательности, эгоизм и бессердечие <...>» [4, с. 10–11]. Такое исповедание, осознание своей греховности, по-видимому, является той необходимой установкой, чтобы в дальнейшем размышлять об основополагающих предметах бытия: о Сомнении, Истине, Любви, Дружбе, Ревности. И это размышление есть одновременно опыт познания себя, опыт усмирения

плоти в поисках духовной истины. Исходя из писем Флоренского, представляется возможным, что в процессе такого своеобразного диалога действует не только пишущий, но и тот, к кому автор обращается. Поскольку автор учитывает позицию *другого*, его собственная позиция как бы корректируется, направляется на истинный путь познания мира.

Современный исследователь творчества Флоренского С. Хоружий отмечает: «Познание базируется на нравственных предпосылках. Оно невозможно как чисто рассудочная деятельность, но представляет собой некую синтетическую, целостную активность, в которую вовлекаются и мысль, и воля, и чувство; и из всех этих вне-рассудочных слагаемых процесса познания решающим и важнейшим служит любовь» [6, с. 535]. Именно любовь, по убеждению П. Флоренского, является основополагающим условием познания и взаимодействия личности с окружающим ее миром. Именно любовь к миру, его приятие, вопреки страданиям и испытаниям, является одновременно и условием познания себя. Подтверждение данному тезису мы находим еще в упоминаемом выше эпиграфе: «Познание совершается любовью», который, в свою очередь, отсылает нас к известным строкам Послания святого апостола Павла к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [1 Кор. 13:4–7]. И поскольку в произведении Флоренского речь идет о познании мира Божьего, о его оправдании и утверждении, автор также постоянно обращается к Священному Писанию как живому свидетельству Истины: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоан. 4:16) [4, с. 71]. Любовь является первоосновой, истоком истинного познания, непременным условием откровения Бога человеку и человека Богу. В любящей личности заключена свобода и сила, помогающая преодолеть антиномии рассудка. Познание истины, как говорит Флоренский, требует духовной жизни и является подвигом. «А подвиг рассудка есть вера, т. е. самоотрешение», которое, опять-таки, без любви и приятия мира невозможно [4, с. 147].

Здесь немаловажно вспомнить, что познание мира или его части переживается и утверждается Флоренским как брак познающего с познаваемым, как взаимодействие их энергий, как «брак, от которого рождается третье, ребенок», как «плод общения познающего духа и познаваемого мира», и этот плод не ведет к поглощению ни одного, ни обоих вместе родителей [5, с. 285–286]. Особое значение здесь обретает язык и, собственно, стиль мышления. Важно не только, что именно говорится, но и как говорится, как мыслится, в какие речевые обороты заключается живая мысль, к каким повторам она прибегает, важен ритм этих повторов, сама форма выражения мысли, поскольку форма является одновременно и деятельностью духа.

С любовью связано и удивление как особое духовное состояние. Но что именно понимает Флоренский под удивлением? С удивлением он связывает диалектический метод Сократа. Для того чтобы быть диалектиком и задавать вопросы, нужно уметь удивляться, а точнее, в терминологии Флоренского – *изумляться*. Изумление, как полагает Флоренский, является наивысшей степенью душевного потрясения. Когда человек и на самом деле удивлен, он теряет обычное сознание, изумевает, выходит из ума, переносится в другое измерение. Изумляющийся апостол Фома – символическая фигура философии. Фома – начало философии, а «<...> удивление есть зерно философии» [3, с. 124].

П. Флоренский полагает, что познающая личность находится в определенной методологической среде, причем метод исследования есть одновременно внутренний путь личности. Антропологические и конкретнее – экзистенциальные планы религиозной жиз-

ни личности, как они описываются автором, могут служить основанием для более детального прояснения такого понятия, как «метод». Общеизвестно, что существует множество методов исследования, которые применяются в науке и в философии. Так как наука требует систематичности, неизменности и конкретики, общенаучные методы как раз и направлены на выявление таких результатов. Однако философские методы исследования в большинстве своем, по мысли Флоренского, диалектичны и направлены на выявление и прояснение «движущихся» символов и символической взаимосвязи сущего.

Флоренский определяет «метод» как целостную диалектику мышления, которая по сути своей есть процесс взглядывания в исследуемую предметность и фиксация живого потока мысли: «<...> диалектика, как мысль нарастающая, в том-то и заключается, что она движется к все более и более ценным достижениям, восходя по лестнице постижения, так что постепенным уплотнением мысли намечаются естественные пределы реальности» [2, с. 823]. Именно диалектика является той формой мысли, без которой невозможен сам процесс мышления. Диалектика, как говорит Флоренский, есть непрерывный опыт над действительностью, некое всматривание в реальность, без которого философия сама по себе не существует. Флоренский разъясняет сущность философии как имеющую в качестве своего истока беседу, разговор, пере-говаривание, как своего рода драму: «Философия есть язык, но она – не одно описание, а множество таковых, превращающихся одно в другое. Она – драма, ибо символы ее – символы движущиеся. Диалектика – таково имя описания, свободно определившего себя к углубляющемуся воззрению: так и драма есть зрительно явленная диалектика» [3, с. 123]. И понимание философии как диалога, как драматического действия, в ходе которого осуществляется познание мира и человека и непременным основанием которого служит особое эротическое состояние, безусловно, ведет нас к Платону с его стремлением к обретению единственного верных путей любви – вынашиванию, духовному рождению и вскармливанию истинной добродетели. Только такой путь возводит любящего к вечному обладанию Благom и созерцанию прекрасного самого по себе.

Каждое произведение П. Флоренского является глубоко личностным опытом переживаний, в ходе которого первостепенное значение обретает обращение к *другому*, особенно когда речь идет об умершем. С установкой на *другого* связана и особая тональность его произведений, и их ритм. Поскольку автор учитывает позицию *другого*, его собственная позиция корректируется, направляется на истинный путь познания. Именно любовь к *другому* и окружающему миру, приятие мира, его испытаний и страданий служит основой познания и взаимодействия человека как микрокосма с макрокосмом. В любящей личности заключена свобода и сила, помогающая преодолеть антиномичность рассудочного мышления. Познание утверждается Флоренским как брак *познающего с познаемым*, как взаимодействие их энергий. С любовью как основанием подлинного познания связано *изумление* как наивысшая степень душевного потрясения личности и понимание философии как беседы, как диалога, что возвращает нас к представлениям Платона о верных путях любви и стремлении к вечному обладанию Благom.

Список использованной литературы:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Канонические [в рус. переводе с приложением]. – М.: Жизнь с Богом, 1989. – 2542 с.
2. Флоренский П. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги: «О Духовной Истине»... // Флоренский П. [Сочинения]: В 2 т. – Т. 1: В 2 ч.: Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – С. 817–826.

3. Флоренский П. Мысль и язык // Флоренский П. [Сочинения]: В 2 т. – Т. 2: У водоразделов мысли / П. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – С. 109–338.
4. Флоренский П. [Сочинения]: В 2 т. – Т. 1: В 2 ч.: Столп и утверждение истины / П. Флоренский; [вступ. ст. С. Хоружего]. – М.: Правда, 1990. – 839 с.
5. Флоренский П. [Сочинения]: В 4 т. – Т. 3 (1): У водоразделов мысли / П. Флоренский; [сост. игумена Андроника (А. Трубачева) и др.]. – М.: Мысль, 2000. – 615 с.
6. Хоружий С. Философский символизм П. Флоренского и его жизненные истоки // П. Флоренский: Pro et contra: Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – 2 изд., испр. и доп. / С. Хоружий. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 521–553.

**“COGNITION IS EFFECTUATED THROUGH LOVE”
(REVISITING THE PECULIARITIES OF P. FLORENSKY’S COGNITION)**

Maria Rodian

*Odessa I. I. Mechnikov National University,
Faculty of Philosophy, Department of Culture studies
Dvoryanskaya str., 2, 65026, Odessa, Ukraine*

The article deals with the essence of cognition in the context of the life of P. A. Florensky. The purpose of the article is to clarify the fundamental foundations of P. Florensky’s cognitive process. Particular attention is paid to the personal experience of the philosopher’s feelings and his focus on the interlocutor.

Key words: cognition, love, method, dialectics, astonishment.